

Е. М. ПОЛИВАНОВА

<Из воспоминаний о Вл. Соловьеве>

<...> Я поступила осенью 1873 г. на Высшие женские курсы, основанные и руководимые проф. Владимиром Ивановичем Герье¹, и пробыла на них включительно до весны 1875 г. действительной слушательницей, сдав последовательно экзамены осенью 1874 г. за первый курс и осенью 1875 г. за второй.

В последнее полугодие моего пребывания на курсах читал у нас лекции о Платоне Владимир Сергеевич Соловьев.

Помнится мне, что еще осенью 1874 г. в Москве заговорили, как о восходящем светиле, о молодом Соловьеве. Толковали и у нас на курсах о Владимире Сергеевиче, тем более что отец его, проф. Сергей Михайлович Соловьев, считался нашим начальником, хотя и не бывал никогда на курсах. И вдруг до нас дошла весть, что молодой профессор будет также и у нас читать. Весть эта возбудила всеобщий интерес на курсах.

В ожидании его первой лекции у нас было необычайное оживление, все с нетерпением ожидали появления нового профессора.

Наконец в большую аудиторию вышел В. И. Герье, и с ним молодой ученый.

Я очень близорука и не могла рассмотреть его наружности — видела только высокую и очень худую фигуру и густые темные волосы.

Когда он сел на кафедру, все замерло, все с затаенным дыханием приготовились слушать.

Раздался голос звучный, гармоничный, какой-то проникновенный.

Я не сразу могла приняться записывать: меня слишком поразила этот обаятельный голос.

Замечательно, что у Соловьева не было заметно ни малейшего смущения. Он говорил спокойно, как привычный лектор, а между тем это было дело для него совершенно новое. Впоследствии,

узнав его ближе, я поняла, что это происходило вследствие того, что он обладал в высшей степени редким качеством, а именно отсутствием всякого мелочного самолюбия, а потому всегда был прост и спокоен.

Лекция его произвела на слушательниц сильное впечатление.

Он уже умолк, сошел с кафедры и удалился, а в зале некоторое время все еще царила полная тишина, а затем все вдруг заговорили, даже старались перекричать друг друга. Огромное большинство восхищалось новым лектором.

Я после лекции собралась идти домой, потому что не чувствовала себя в расположении слушать кого бы то ни было.

<...> Уже 42 года прошло с тех пор, как я слушала Соловьева, и, не имея под руками остальных его лекций, я, разумеется, не могу сколько-нибудь подробно изложить их содержание. Однако я совершенно точно помню, что он преимущественно читал нам о Платоне, его мировоззрении и разбирал многие из его диалогов. <...>

Увлекательности лекций Владимира Сергеевича еще много способствовала его великолепная дикция и замечательно красивый голос, о чем я уже упоминала.

Тем не менее были у нас и яркие противницы нового лектора, т. е. вернее — противницы его направления, чисто идеалистического, так как в те времена еще очень сильно было противоположное учение — материалистическое, наследие 60-х годов.

Между прочим, одна курсистка, в сущности очень симпатично относившаяся к Соловьеву, но любительница рисовать карикатуры, изобразила всех наших профессоров в их любимых позах и каждому из них вложила в уста особенно характерное, по ее мнению, изречение. Вл. С. Соловьева она нарисовала похоже, но необычайно длинным и необычайно тонким², и приписала ему следующие слова: «Какую чепуху городят эти господа! Тошно даже слушать. Будто есть что-нибудь реально сущее! Все в мире — фантазмагория. И мир — призрак; и я — призрак, и все мы — призраки!».

Кстати о его наружности. Я сидела довольно далеко от кафедры и довольно долгое время имела о ней самое смутное представление. Наконец одна товарка, сидевшая почти возле самой кафедры, уступила мне однажды свое место, и вот что у меня записано в тетрадке: «У Соловьева замечательно красивые синесерые глаза, густые темные брови, красивой формы лоб и нос, густые, темные, довольно длинные и несколько вьющиеся волосы; не особенно красив у него рот, главным образом из-за слишком яркой окраски губ на матово-бледном лице; но самое это лицо

прекрасно и с необычайно одухотворенным выражением, как бы не от мира сего; мне думается, такие лица должны были быть у христианских мучеников. Во всем облике Соловьева разлито также выражение чрезвычайной доброты. Он очень худ и хрупок на вид.

До Соловьева я не имела ни малейшего представления о философии, занимаясь исключительно историей и языками. Лекции его были для меня настоящим откровением, и я с увлечением принялась за чтение таких книг, к которым прежде и прикоснуться бы не решилась. Самим Соловьевым я восхищалась и преклонялась перед ним, как перед каким-то высшим существом: он представлялся мне более духом, нежели человеком. <...> Несмотря на целую массу общих прогулок и пикников, я также проводила много времени с глазу на глаз с Владимиром Сергеевичем.

С ним было необыкновенно легко. Беседа всегда лилась сама собою, затрагивая самые разнообразные предметы. <...> Говорил он также о своих широких замыслах в будущем. Он в то время горячо верил в себя, верил в свое призвание совершить переворот в области человеческой мысли. Он стремился примирить веру и разум, религию и науку, открыть новые, неведомые до тех пор пути для человеческого сознания. Когда он говорил об этом будущем, он весь преображался. Его серо-синие глаза как-то темнели и сияли, смотрели не перед собой, а куда-то вдаль, вперед, и казалось, что он уже видит перед собой картины этого чудного грядущего.

В такие минуты я также уносила мыслью вперед, а на него смотрела с благоговейным восхищением, думая про себя: «Да, он пророк, провозвестник лучшего будущего, вождь более совершенного человечества!»

Наряду с такими возвышенными беседами были у нас и другие, в совершенно другом роде. Мы оба любили все таинственное, сверхъестественное, и на эту тему могли говорить также без конца, рассказывая друг другу всякие чудеса, слышанные нами от очевидцев, или из вторых и третьих рук, или даже вычитанные нами из книг. <...>

Не могу не упомянуть о том, что у Владимира Сергеевича был замечательный смех. Он смеялся закатисто, каким-то ребяческим смехом, но странно, что у него был необычайно красивый голос, когда он говорил, а смех его был не совсем гармоничный, но искренний и заразительный. <...>

